

ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

КОНЕЦ СВЕТА.

— Х Р О Н И К А. —

ВЛАДИВОСТОК

Человечество всегда будет стремиться
уничтожить себя.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Щёлоков
Конец света. Хроника.
Дальний Восток

<https://litres.ru/74557839>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга серии про конец света, который наступил, как всегда из-за человеческой глупости. В книге описываются события того, с чего всё началось, и как главный герой со своей семьей пытается добраться до безопасного места.

Содержание

Конец света. Хроника. Дальний восток.	4
Пролог	5
Часть первая	24
Глава 1. Запах моря	24
Глава 2. Туман	53
Глава 3. Школа	80
Глава 4. Стоматология	103
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Евгений Щёлоков
Конец света. Хроника.
Дальний Восток

Конец света. Хроника.
Дальний восток.

Том 1.

Пролог

Аляска умела убивать красиво.

Не театрально, не с музыкой и пафосом, как в кино, где герой, замерзая, всё равно успевает сказать что-нибудь глупое про любовь, Родину и последний патрон. Нет. Аляска убивала буднично. Сначала откусывала пальцы морозом, потом забиралась под куртку, в швы, в дыхание, в мысли. А потом ты вдруг понимал, что тебе уже всё равно, куда идти, что болит нога, что навигатор врёт, а начальство обещало премию.

Профессор Лэнгли понял это на третьей неделе экспедиции.

Он стоял посреди бело-серой пустоты, где небо и земля отличались друг от друга только тем, что сверху иногда падал снег, а снизу — нет. Перед ним чернел разрез в мерзлоте: длинная траншея, вырытая буровой установкой и двумя экскаваторами, которые постоянно ломались, будто техника тоже знала — сюда лучше не лезть.

— Док, — сказал техник по фамилии Харпер, ковыряя

носком ботинка промёрзшую глину. — Если мы тут найдём нефть, я увольняюсь и покупаю себе дом во Флориде.

— Мы ищем не нефть, — ответил Лэнгли.

— Вот поэтому я и говорю: если найдём нефть — это будет знак свыше. Бог скажет: «Парни, хватит ерундой заниматься, вот вам нормальная работа».

Харпер был из тех людей, которые шутили, когда страшно, холодно или хочется в туалет. В последние дни он шутил постоянно.

Лэнгли не улыбнулся. Он смотрел на стенку разреза.

Там, среди слоёв льда, грязи и древнего растительного мусора, темнело что-то округлое. Не камень. Камни так не блестели. Не кость — слишком гладкое. Не металл — не было характерного отблеска.

Предмет выступал из мерзлоты примерно на треть, напоминая обугленное яйцо размером с человеческую голову. Поверхность его покрывали тонкие прожилки, будто кто-то вплавил в чёрный материал сеть засохших вен.

— Маркес! — крикнул Лэнгли. — Камеру сюда. И сте-

рильный контейнер.

Доктор Элена Маркес, вирусолог из Центра биобезопасности, подошла почти бегом. На морозе её дыхание вырывалось короткими клубами пара. Лицо за прозрачным щитком было красным, глаза блестели — от холода или азарта, Лэнгли не понял.

— Это биологическое? — спросила она.

— Пока не знаю.

— Отличный ответ. За такой обычно дают грант и отправляют студентов умирать в поле.

Харпер хмыкнул.

— Эй, я не студент. Я умираю тут по контракту.

Маркес наклонилась ближе. Датчик на её рукаве тихо пискнул, фиксируя температуру, влажность, состав воздуха. Всё было в норме. Насколько вообще могло быть нормальным место в сотнях километров от ближайшего населённого пункта, где люди добровольно копались в вечной мерзлоте в поисках древних микроорганизмов.

Экспедиция называлась красиво: «Paleobiological Arctic Recovery Initiative». Сокращённо — «PARI». Почти «пари». Харпер сказал, что это честно: они заключили пари с природой, что смогут откопать что-нибудь древнее и не сдохнуть.

Пока природа лидировала.

Лэнгли провёл сканером по объекту. Экран моргнул, выдал серию непонятных показателей, завис, а потом перезагрузился.

— Ну, — сказал Харпер, — это точно не картошка.

— Молчать, — бросила Маркес.

Она осторожно срезала ледяную корку вокруг находки, работая тонким инструментом. Лёд хрустел сухо, как старое стекло. Ветер бил по палаткам наверху, трепал флаги, гонял снежную пыль по краю траншеи.

Через несколько минут объект освободили полностью.

Он оказался тяжелее, чем выглядел. Двое техников подняли его в контейнер, но один — молодой парень по имени Дэвис — поскользнулся. Контейнер дёрнулся, край находки ударился о металлический борт.

Раздался треск.

Все замерли.

На поверхности чёрного «яйца» появилась тонкая щель. Из неё медленно выползла серая пыль.

Не газ. Не пар. Именно пыль — мелкая, почти бархатная, но двигалась она странно. Не просто рассеивалась по воздуху, а собиралась в тонкие нити, словно пыталась нащупать направление.

Датчик на рукаве Маркес взвыл.

— Контейнер закрыть! — заорала она. — Всем назад!

Дэвис захлопнул крышку, но поздно.

Серая пыль уже коснулась его перчатки.

Парень посмотрел на руку.

— Чёрт, — сказал он. — Оно что, живое?

— В карантин, — приказал Лэнгли. — Немедленно.

— Док, да там же просто пыль.

— В карантин, мать твою!

Это было первое и последнее разумное решение, принятое в лагере PARI.

Дэвиса закрыли в медицинском модуле. Он ругался через стекло, требовал кофе, сигарету и адвоката. Харпер предложил ему выбрать что-нибудь одно, потому что у правительства США даже в мирное время плохо получалось сразу три пункта.

Через час Дэвису стало жарко.

Через два часа у него пошла кровь из носа.

Через три — он перестал говорить.

Маркес стояла у стекла, не отрывая взгляда. Лэнгли видел, как у неё дрожат пальцы. Не от холода. В модуле было тепло. Слишком тепло. Дэвис метался на койке, сорвал с себя куртку, потом термобельё. Кожа на его груди покрылась тёмными пятнами, которые расползались, соединялись, становились похожими на чешую.

— Температура сорок два и восемь, — сказала Маркес.

— Он должен быть мёртв, — ответил Лэнгли.

— Скажи ему. Может, послушает профессора.

На четвёртом часу Дэвис упал с койки.

Его тело выгнулось дугой. Суставы хрустнули так громко, что Харпер, стоявший за спиной Лэнгли, прошептал:

— Господи Иисусе.

Пальцы Дэвиса удлинились. Ногти почернели, треснули и вылезли наружу из плоти новыми пластинами — кривыми, острыми, как обломки ножей. Челюсть выдвинулась вперёд. Скулы лопнули под кожей, лицо стало чужим. Не звериным. Хуже. В нём оставалось достаточно человеческого, чтобы мозг отказывался принять увиденное.

Дэвис поднял голову. Глаза у него были прежние. Вот это было самое страшное.

Не когти. Не чешуя. Не кровь, стекающая с подбородка. А глаза — мокрые, испуганные, человеческие.

Он посмотрел на Маркес.

— По... мо... ги...

Слово разорвалось в горле рычанием. Потом он бросился на стекло. Первый удар оставил трещину. Второй — паутину. На третьем Харпер выстрелил.

Пуля ударила в стекло снаружи, оставив белый скол. Харпер замер, побледнев.

— Я хотел помочь.

— Ты только что помог стеклу, идиот! — рявкнула Маркес.

Дэвис бился с другой стороны. Уже не просил. Уже не смотрел. Его руки скребли по прозрачной перегородке, оставляя кровавые полосы. Кожа на плечах рвалась, под ней шевелилось что-то дополнительное — мышцы, сухожилия, новые кости, растущие слишком быстро.

Сигнал тревоги завыл по всему лагерю.

Лэнгли включил внутреннюю связь.

— Центральный, это база PARI. У нас биологическое заражение. Один инфицированный. Требуется немедленная эвакуация и военный карантин.

Секунды шипения.

Потом голос оператора из Анкориджа:

— Подтвердите категорию угрозы.

Лэнгли посмотрел на Дэвиса.

Тот ударил ещё раз.

Стекло лопнуло.

— Новая категория, — сказал Лэнгли. — Придумайте сами.

Дэвис прорвался наружу.

Первой он схватил Маркес.

Она успела отступить, но когти зацепили рукав защитного костюма. Материал вспоролся, как пакет из супермаркета.

Маркес закричала, ударила его электрошокером в шею. Дэвис дёрнулся, но не упал. Только повернул голову и посмотрел на устройство с таким выражением, будто его оскорбили бытовой техникой.

Харпер выстрелил снова.

На этот раз попал.

Пуля вошла Дэвису в грудь. Потом вторая. Третья. Инфицированный пошатнулся, сделал шаг назад — и вдруг грудная клетка у него раскрылась.

Не взорвалась. Не развалилась. Раскрылась.

Рёбра раздвинулись, словно створки. Изнутри брызнула тёмная жидкость и серый порошок.

Харпер вдохнул.

Маркес успела заорать:

— Маски!

Но Харпер уже кашлял.

Через десять минут заражённых было трое.

Через час — девять.

Через два часа лагерь PARI перестал быть научной экспедицией и стал мясорубкой с государственным финансированием.

Лэнгли спрятался в радиорубке вместе с Маркес и двумя охранниками. За дверью скреблись. Иногда били. Иногда что-то шептало голосом Дэвиса.

— Док...

Потом голосом Харпера:

— Эй, профессор... я всё-таки куплю дом во Флориде...

Один из охранников перекрестился. Второй зарядил подствольник и сказал:

— Если эта хрень заговорит голосом моей бывшей, я сам открою дверь. Всё равно конец света, хоть поржём.

Маркес сидела у пульта, подключив переносной анализатор к образцу серой пыли. На экране бежали строки.

— Это не вирус в обычном смысле, — сказала она.

— Сейчас очень удачное время для лекции, — ответил Лэнгли.

— Он перестраивает клетки. Не разрушает. Переписывает. Быстро. Слишком быстро. Использует ДНК носителя как... как строительный мусор.

— Прекрасно.

Она не улыбнулась.

— И он реагирует.

— На что?

Маркес подняла глаза.

— На нас.

За дверью стало тихо.

Эта тишина оказалась хуже ударов.

Лэнгли медленно повернулся к монитору наружной камеры. Снежная ночь. Прожекторы. Развороченные палатки. Красные пятна на снегу. И фигуры.

Они стояли полукругом вокруг радиомодуля.

Бывшие люди. Или уже не люди. Разные. У одних вытянулись конечности, у других распухли плечи, третьи ползали на четырёх конечностях с вывернутыми назад суставами. Один был наполовину вросшим в тело собаки из лагерной упряжки: две головы, четыре глаза, одна пасть, которая постоянно открывалась и закрывалась.

Но все они смотрели в одну точку.

В камеру.

— Они знают, где мы, — прошептал охранник.

— Конечно знают, — сказал второй. — Мы же в домике с лампочками. Осталось вывеску повесить: «Шведский стол, вход со двора».

Рация ожила.

— База PARI, это командование Северного сектора. Воз-

душная группа поднята. Держитесь. Повторяю: держитесь.

Лэнгли рассмеялся. Коротко. Нехорошо.

— Держитесь, — повторил он. — Отличный план. Надо было сразу с этого начинать.

Снаружи что-то ударило по стене. Металл прогнулся.

Маркес схватила его за рукав.

— Образцы нельзя уничтожать.

— Что?

— Если это древний организм, если он сохранился тысячи лет... нам нужно понять...

— Елена, он только что превратил девятнадцать человек в фарш.

— Именно поэтому нужно понять!

Лэнгли посмотрел на неё и вдруг понял: она права.

И это было ужаснее всего.

Через двадцать минут над лагерем появились вертолёт.

Но сначала прилетели ракеты.

Белая земля вспыхнула оранжевым. Медицинский модуль разорвало на куски. Буровую перевернуло. Палатки исчезли в огне. Инфицированные метались по снегу, горели, падали, снова вставали. Один добежал до площадки, где завис первый вертолёт, подпрыгнул, слишком высоко для человека, и вцепился в шасси.

Пулемётная очередь разорвала его пополам.

Верхняя половина продолжала ползти по корпусу.

— Вот теперь точно конец света, — сказал охранник. — Даже половина мужика работает лучше, чем нашеправительство.

Ударная волна выбила дверь радиорубки.

Внутри ворвался мороз, дым и запах горелого мяса.

Лэнгли упал. В ушах звенело. Он увидел, как Маркес, шатаясь, пытается поднять контейнер с первоначальным объек-

том. Одна сторона контейнера была треснута. Из щели тонкой струйкой сочилась серая пыль.

— Элена! — крикнул он.

Она не слышала. Или не захотела. За её спиной из дыма вышел Харпер. Вернее, то, что раньше умело шутить про Флориду. Теперь у него было слишком много рук. Маркес обернулась.

Харпер раскрыл рот.

Лэнгли выстрелил из пистолета охранника почти в упор. Пуля вошла Харперу в глаз. Голова дёрнулась, но тело продолжило двигаться.

Следующая ракета попала в склад топлива. Мир стал белым.

Когда военные вошли в лагерь, там не осталось почти ничего живого.

Почти.

Они нашли Лэнгли в снегу, обожжённого, с перебитой ногой и контейнером, прижатым к груди. Он был в сознании.

Смотрел на солдат сквозь закопчённое стекло маски.

— Уничтожьте, — прохрипел он.

Командир группы наклонился.

— Что?

— Уничтожьте всё.

Солдат посмотрел на контейнер. На маркировку. На датчики. На серую пыль внутри герметичной колбы.

Потом сказал фразу, после которой обычно и начинается большая история человеческой тупости:

— Приказ — сохранить материал.

Лэнгли закрыл глаза.

Он хотел сказать что-нибудь умное. Что-нибудь последнее. Но получилось только:

— Ну конечно, как же по другому.

Контейнер увезли вертолётom на временную базу, оттуда

— самолётом на секретный объект для изучения и хранения.

Через три дня транспортный самолёт с образцами поднялся с военного аэродрома на Алеутских островах.

Через пять часов он исчез с радаров над северной частью Тихого океана.

Официальная версия: отказ двигателя в условиях шторма.

Неофициальная версия: экипаж перед падением передал в эфир семь секунд крика, два выстрела и фразу бортинженера:

— Оно в вентиляции.

Обломки самолёта искали неделю.

Нашли только спасательный плот, кусок крыла и тело пилота без нижней челюсти.

Контейнер не нашли.

Через месяц рыбаки у западного побережья Аляски начали жаловаться на странный туман над водой. Серый, низкий, пахнущий йодом, гнилью и мокрым железом.

Через два месяца в сети японского траулера попалась рыба с человеческими зубами.

Через три месяца на пляжах Канады появились первые следы — широкие, глубокие, перепончатые.

Они шли из океана.

В сторону городов.

Часть первая

Глава 1. Запах моря

Владивосток пах морем, бензином и чужими надеждами.

Море лезло в город в любую щель — через открытые окна, через вентиляцию, через подъезды с облупленной краской, через трещины в асфальте, где после дождя стояли мутные лужи. Оно пахло водорослями, ржавыми причалами, рыбой на Спортивной набережной и портовой соляжкой, которую, казалось, впитали даже чайки. Чайки здесь были отдельным видом городской власти: наглые, крикливые, жирные. Ветров считал, что если однажды государство рухнет, чайки первыми объявят себя администрацией Приморского края и начнут брать налог шаурмой.

Утро началось с того, что сосед сверху снова сверлил.

Сверлил он не стену. Ветров был почти уверен, что мужик наверху пытался просверлить земную кору, добраться до мантии и устроить себе тёплый пол напрямую от ядра планеты.

— Вова, — сказала из кухни Лена, — ты можешь с ним поговорить?

Владимир Ветров лежал на спине, смотрел в потолок и думал, что поговорить можно. Например, подойти, позвонить, дождаться, пока сосед откроет, и вежливо спросить: «Гражданин, вы что, совсем охренели?» Потом, если гражданин окажется глух к дипломатии, забрать у него перфоратор и вставить туда, где строительные работы раньшени когда не проводились.

Но был понедельник.

А понедельник — это когда человечество коллективно делает вид, что у него есть план.

— Сейчас, — сказал Ветров.

— Ты уже десять минут говоришь «сейчас».

— Я морально настраиваюсь.

— Ты лежишь.

На кухне фыркнула Лена.

Ветров сел на кровати. Ему было тридцать пять, но по утрам тело иногда сообщало, что ему сорок семь, ипотека, две войны и работа грузчиком в аду. Спина хрустнула. Плечо потянуло — вчера в зале переборщил с жимом. Ну, как переборщил. Один молодой лось в майке без рукавов слишком громко бросал штангу и смотрел по сторонам так, будто ждал, что его сейчас занесут в Красную книгу. Ветров не любил соревноваться. Обычно. Но иногда внутри просыпался срочник из мотострелков, которому сержант когда-то объяснил простую философию: если можешь поднять — подними; если не можешь — всё равно подними, потому что Родина смотрит.

Родина, правда, обычно смотрела куда-то мимо.

Он натянул спортивные штаны, футболку, вышел на кухню.

Лена стояла у плиты, в домашней кофте, волосы собраны кое-как, но всё равно красивая. Такая красота была не из рекламы духов, где женщина идёт по Парижу босиком и страдает красиво. Лена была настоящей: с недосыпом под глазами, с раздражением из-за школьного дневника сына, с ожогом на запястье от духовки, с привычкой пить чай из огромной кружки с трещиной. Ветров любил эту трещину почти

так же, как саму Лену. Потому что кружка, как и их жизнь, давно должна была развалиться, но держалась. На упрямстве.

За столом сидел Артём, десять лет, худой, лохматый, с лицом человека, которого насильно извлекли из сна и бросили в образовательную систему без права апелляции. Он ковырял вилкой омлет.

— Ешь, — сказала Лена.

— Я ем.

— Ты его ковыряешь, а не ешь.

— Я проверяю, нет ли там лука.

— Там нет лука.

— Ты в прошлый раз тоже так сказала.

— В прошлый раз там был зелёный лук. Это другое.

Артём посмотрел на отца.

— Пап, зелёный лук считается луком или как?

Ветров налил себе чай.

— Зависит от количества. В малом количестве — нет.

— Вот, — сказал Артём матери. — Папа понимает.

— Папа просто не хочет идти к соседу, — сказала Лена.

Сверху снова зажужжало. Перфоратор зашёлся радостно, с душой. Где-то в бетонных недрах дома посыпалась пыль.

Ветров поднял глаза.

— Сейчас.

Он вышел в подъезд.

Подъезд пах кошками, сыростью и вчерашними пельменями. На стене маркером было написано: «Саня лох». Ниже другой рукой добавлено: «Зато с квартирой». Российская социальная философия в двух строках.

Ветров поднялся этажом выше и нажал на звонок.

Сверление продолжалось.

Он нажал ещё раз. Потом постучал кулаком.

Дверь открылась резко. На пороге стоял сосед — жилистый мужик лет пятидесяти, в майке, с сигаретой в зубах и глазами человека, который уже всё понял про жизнь и теперь мстит ей ремонтом.

— Чё?

— Доброе утро, — сказал Ветров. — Можно потише? Ребёнок завтракает, жена нервничает, я пока держусь, но это временно.

Сосед затыкнулся.

— Время разрешённое.

— Я не про закон. Я про человечность.

— А я ремонт делаю.

— Это мы все слышим. Даже, думаю, на Русском уже ставки принимают, когда вы до нефти добуритесь.

Сосед прищурился.

— Ты чё умный, да?

— Нет. Просто злой.

Они посмотрели друг на друга.

Ветров не хотел драки. Не потому что боялся. Просто драка с соседом — это всегда проигрыш, даже если выиграл. Потом будешь встречать его у мусоропровода, он будет коситься, ты будешь коситься, ваши жёны будут коситься, и через неделю весь подъезд превратится в филиал холодной войны.

Сосед вынул сигарету.

— Ладно. До десяти подожду.

— Спасибо.

— Но потом буду сверлить.

— Сверлите.

Сосед фыркнул и закрыл дверь.

Когда Ветров вернулся, Артём уже доедал омлет с видом

мученика, которому удалось пережить пытку яйцами.

По телевизору на кухне шёл утренний выпуск новостей. Лена включала его фоном — привычка, от которой Ветров давно предлагал лечиться. На экране ведущая с идеальным лицом говорила о каком-то происшествии у берегов Аляски.

— ...местные рыбаки сообщают о необычном цветении воды и массовой гибели морских животных. Экологи связывают ситуацию с повышением температуры океана и возможным выбросом токсичных водорослей...

На экране показали серое море. Камера дрожала. По воде плыл мёртвый тюлень. Или то, что когда-то было тюленем. Ветров машинально задержал взгляд.

— Фу, — сказал Артём. — Это что?

— Новости, — ответил Ветров. — У них всё такое. Даже прогноз погоды выглядит как чьи то похороны.

Лена подошла ближе к телевизору.

— Опять экология.

— Экология теперь удобная штука, — сказал Ветров. —

Случилось что-то странное — говори «климат», и все делают вид, что всё поняли.

Ведущая продолжала:

— ...власти штата Аляска призывают жителей прибрежных районов не приближаться к выброшенным на берег животным и сообщать о находках в специальные службы...

Картинка сменилась. Теперь показывали пляж. Несколько людей в защитных костюмах грузили в чёрный мешок нечто длинное, с плавниками и странно изогнутыми конечностями. Камера слишком быстро ушла в сторону, но Ветров успел заметить — у твари была лапа.

Не лапа. Лапа.

С пальцами.

— Это монтаж? — спросил Артём.

— Скорее всего, — быстро сказала Лена.

Ветров молча сделал глоток чая.

Горячий. Горьковатый. Нормальный чай. Нормальная

кухня. Нормальный понедельник. Сосед-сверлильщик, школа, работа, пробки, ипотека, цены на бензин, жёлтые ценники в магазинах, где скидка такая, что хочется вызвать полицию за мошенничество.

Нормальная жизнь держалась на том, что странные вещи происходят где-то далеко.

В Америке. В Африке. В новостях. В интернете. Там люди бегут от пожаров, там кого-то смывает волной, там политики угрожают друг другу санкциями и ракетами, там учёные находят очередную дрянь в ледниках.

Далеко.

А Владивосток стоял у моря и делал вид, что море — это просто вид из окна.

Телефон Ветрова завибрировал.

Сообщение от начальника:

«Не опаздывай. Сегодня японцы приезжают. И не матерись при них, как в прошлый раз».

Ветров посмотрел на экран, потом набрал:

«Я не матерился. Я описывал логистику».

Ответ пришёл почти сразу:

«Вот именно. Молчи и улыбайся».

Ветров работал на складе автозапчастей при крупной фирме, которая возила всё — от тормозных колодок до двигателей, снятых с японских машин с таким чувством, будто они не добровольно пожертвовали свои органы российскому автопрому. Работа была не мечтой. Но платили вовремя. Почти. А ещё там можно было руками трогать нормальные железки, и это успокаивало. Железо честное. Если болт не идёт — значит, либо резьба сорвана, либо ты криворукий. Железо не врёт, не обещает реформ и не делает вид, что всё под контролем.

— Я вечером задержусь, — сказала Лена. — Родительское собрание после уроков.

Артём застонал.

— Опять?

— Да.

— Зачем вы собираетесь? Что вы там обсуждаете?

— Как сделать твою жизнь лучше.

— Вы плохо справляетесь.

— Я им передам.

Ветров потрепал сына по голове.

— Учись хорошо. Не будь как я.

— А что с тобой не так?

— Я знаю, как разобрать коробку передач, но не знаю, как объяснить банку, что ипотека — это не новая форма рабства.

— А зачем мне знать как разбирается коробка передач?

— Вот поэтому и учись. Чтобы потом платить людям вроде меня и говорить: «Сделайте нормально, а не как в прошлый раз».

Артём задумался.

— Пап, а если конец света?

Лена обернулась.

— С чего вдруг?

— Ну... в новостях же. Рыба с лапами. Тюлени эти. И в интернете пишут, что в Америке закрыли какие-то пляжи.

Ветров посмотрел на сына.

У детей был особый талант — задавать вопрос так, что бы у взрослых не было ответа.

— Если конец света, — сказал он, — сначала отключат интернет. Так что ты узнаешь первым.

Артём усмехнулся.

— А серьёзно?

Ветров хотел сказать стандартное родительское: «Не думай об этом». Хотел, но не смог. Потому что сам в десять лет ненавидел, когда ему ввали красивыми фразами. Да и жизнь потом как-то не сильно улучшила его отношение к вранью.

— Серьёзно, — сказал он, — конец света постоянно происходит. У кого-то — каждый день. Дом сгорел, работа пропала, человек умер. Для него всё, конец. А для остальных утро, кофе, маршрутка. Большой конец света обычно не приходит сразу. Он сначала долго стучит в дверь, а мы думаем, что это сосед сверху ремонт делает.

Лена посмотрела на него строго.

— Вова.

— Что?

— Ребёнку в школу, а не на философский кружок имени депрессии.

— Ладно, — сказал Ветров. — Серьёзно: никакого конца света не будет. Максимум — цены опять поднимут. Это хуже, но привычнее.

Артём кивнул. Успокоился или сделал вид.

Через двадцать минут они вышли из дома втроём.

Солнце стояло мутное, зажатое между сопками и облаками. Во дворе гудели машины. Дворник в оранжевой жилет-

ке лениво гонял метлой мокрые листья, как будто пытался договориться с осенью по-хорошему. У подъезда Баба Нина кормила голубей и одновременно проклинала их за то, что гадят на лавочку. Ветров всегда считал это вершиной человеческой логики: сначала создать проблему, потом ругаться, что она есть.

У машины, старенькой праворульной тойоты, Ветров остановился.

На лобовом стекле лежала тонкая серая плёнка.

Не пыль. Не обычная грязь. Похоже на высохший налёт от морского тумана, только темнее.

Он провёл пальцем. На коже осталась серая полоска. Пахло йодом и чем-то ещё. Металлом. Как если лизнуть батарейку в детстве, только взрослый человек уже понимает, что жизнь и без этого достаточно неприятная.

— Что это? — спросила Лена.

— Туман, наверное. Ночью с моря тянуло.

— Станный.

Ветров вытер палец о салфетку.

— У нас тут всё странное. Город на сопках, руль справа, заработок левый.

Он открыл машину. Артём залез назад, пристегнулся. Ле- на села рядом. Ветров завёл двигатель. Стартер кашлянул, мотор нехотя ожил.

По радио говорили о пробках, курсе валют и новых ограничениях для рыбаков в северной части Тихого океана. Потом ведущий бодрым голосом добавил:

— А теперь немного хороших новостей...

Ветров выключил радио.

— Не доверяю людям, которые заранее предупреждают, что новости хорошие.

По дороге к школе они стояли в пробке на Луговой. Владивосток просыпался нервно. Маршрутки перестраивались так, будто водители играли в шашки. Таксист на старом Prius пытался пролезть между двумя рядами и получил в ответ хор гудков, матерный, но удивительно слаженный.

Артём смотрел в окно.

— Пап, смотри.

У обочины стояла собака.

Большая дворняга, мокрая, с облезлой шерстью. Она не лаяла, не бегала, не нюхала мусор. Просто стояла и смотрела в сторону моря. Абсолютно неподвижно.

Потом рядом с ней появилась вторая. Третья. Ещё две выбежали из двора и тоже замерли.

Пять собак стояли у дороги, повернув головы в одну сторону.

— Собачье собрание, — сказал Ветров. — Обсуждают, как повысить эффективность облаивания велосипедистов.

Но улыбка не вышла.

Лена тоже смотрела на собак.

— Они странные.

— Весна.

— Сентябрь.

— Тогда осенняя шизофрения.

Одна из собак вдруг заскулила. Тихо, тонко, почти по-человечески. Потом поджала хвост и бросилась прочь. Остальные рванули за ней.

Пробка двинулась.

Ветров повёз сына к школе.

У ворот толпились родители, дети, машины, охранник в форме, похожий на человека, которого поставили защищать будущее страны за зарплату, не позволяющую защитить даже собственное достоинство. Артём вылез, закинул рюкзак на плечо.

— Вечером заберёшь? — спросил он.

— Мама заберёт после собрания.

— Если она выживет.

— Родительское собрание, сын. Там никто не умирает.

Просто некоторые не возвращаются.

Артём улыбнулся.

Ветров присел перед ним, поправил воротник куртки.

— Слушай учителя. Не дерись.

— А если первый начнёт Кирилл?

— Тогда не дерись ПЛОХО.

— Вова, — сказала Лена.

— Что? Я за качество образования.

Артём обнял отца быстро, на полсекунды — уже взрослый, уже стеснялся. Потом побежал к воротам.

Ветров смотрел ему вслед.

Он не знал тогда, что запомнит именно этот момент: рюкзак с динозавром, развязанный шнурок, худые плечи под синей курткой, рука, поднятая на прощание.

Люди всегда запоминают последнюю нормальность.

Даже если в тот момент не понимают, что она последняя.

Лена молчала всю дорогу до своей работы. Она трудилась администратором в частной стоматологической клинике, где людям за большие деньги объясняли, что зубы — это роскошь, данная человеку временно. Перед тем как выйти, она задержалась.

— Ты слышал ночью сирены?

— Нет.

— Я слышала. Где-то со стороны бухты.

— Может, пожарные.

— Может.

Она посмотрела на него так, будто хотела сказать ещё что-то, но передумала.

Ветров коснулся её руки.

— Лен, всё нормально.

— Ты это говоришь, когда не знаешь что делать.

— Я почти всегда не знаю. Просто иногда вру убедительно.

Она улыбнулась устало.

— Купи вечером хлеб. И молоко.

— Есть.

— И не забудь.

— Я служил в армии. Меня учили помнить важное.

— В армии тебя учили чистить картошку и спать стоя.

— Это тоже важное.

Она вышла, захлопнула дверь и пошла к клинике, поправляя сумку на плече.

Ветров смотрел, как она переходит дорогу. На секунду её фигуру перекрыла маршрутка. Потом Лена снова появилась на тротуаре, обернулась, махнула ему рукой.

Он махнул в ответ.

И поехал на работу.

К обеду Владивосток заволокло туманом.

Сначала обычным — белёсым, влажным, морским. Потом он стал гуще, тяжелее. Серым. Он полз между контейнерами на складе, стелился по асфальту, цеплялся за колёса погрузчиков. От него першило в горле.

— Чё за дрянь? — сказал Серёга, кладовщик, сплёвывая в сторону. — Опять китайцы что-то сожгли?

— Китай далеко, — ответил Ветров, проверяя накладную.

— Для вони расстояний нет. Вон у нас начальник на втором этаже сидит, а воняет по всему складу.

Рядом заржал водитель.

Начальник действительно сидел на втором этаже — за стеклянной перегородкой, откуда любил смотреть вниз на рабочих с выражением феодала. Звали его Павел Игоревич, но за глаза — Палычем, а иногда и короче, если день был тяжёлый.

На складе разгружали контейнер с запчастями. Японцы, ради которых Ветрова просили молчать и улыбаться, опаздывали. Впрочем, японцы могли себе позволить опаздывать красиво. Русские опаздывали с матом и потными подмышками.

Ветров поднял коробку с амортизаторами, понёс к стеллажу. Туман просачивался через открытые ворота. Где-то снаружи резко закричала чайка.

Потом ещё одна.

Потом сразу много.

Крик был не обычный — не наглый портовый ор, а панический, рваный. Птицы метались над складской территорией, врезались друг в друга, садились на крыши фур, снова взлетали.

— Чайки с ума сошли, — сказал Серёга. — Хотя кто их разберёт? У них базовая комплектация, по-моему, сразу такая.

Одна чайка рухнула прямо перед воротами.

Ударилась об асфальт, дёрнулась, попыталась подняться. Крыло было сломано. Но Ветров смотрел не на крыло.

У птицы из клюва торчало что-то тонкое и серое.

Как нитка.

Она извивалась.

— Не трогать, — сказал Ветров.

Серёга уже шагнул вперёд.

— Да я просто посмотрю.

— Серёга, отойди.

— Да ладно тебе. Птичка помирает.

Чайка вдруг раскрыла клюв шире, чем могла. Неестественно широко. Нижняя часть клюва хрустнула, словно вывихнулась. Серая нить вылезла наружу, распушилась в воздухе маленьким облачком.

Серёга отшатнулся.

— Мать моя женщина.

Ветров схватил его за ворот и дёрнул назад.

Чайка забилась сильнее. Перья на груди разошлись, кожа под ними вздулась пузырьём. Пузырь лопнул. На асфальт выплеснулась тёмная слизь.

Из неё шевельнулась маленькая лапка.

Тишина на складе стала полной.

Даже погрузчик заглох, будто водитель решил, что техника тоже имеет право на религиозный ужас.

— Это что, блядь, было? — тихо спросил кто-то.

Ветров не ответил.

С улицы донёсся далёкий вой сирены.

Потом второй.

Потом третий.

Телефон в кармане завибрировал одновременно у всех.

Экстренное уведомление.

Ветров достал свой.

На экране крупными буквами:

****ВНИМАНИЕ. ЖИТЕЛЯМ ПРИБРЕЖНЫХ РАЙОНОВ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ОСТАВАТЬСЯ В ПОМЕЩЕНИЯХ. ИЗБЕГАЙТЕ КОНТАКТА С ТУМАНОМ, МОРСКОЙ ВОДОЙ И ДИКИМИ ЖИВОТНЫМИ. ОЖИДАЙТЕ ДАЛЬНЕЙШИХ ИНСТРУКЦИЙ.****

Серёга прочитал, потом посмотрел на серый туман, который уже втекал в ворота склада, как живая вода наоборот.

— Избегайте контакта с туманом, — сказал он. — Спасибо, суки. А как?

Ветров уже набирал Лену.

Гудки.

Один.

Второй.

Третий.

Не отвечает.

Он набрал снова.

Склад ожил. Люди заговорили все сразу. Кто-то побежал закрывать ворота. Кто-то матерился в телефон. Кто-то снимал мёртвую чайку на видео — потому что у человечества был инстинкт: если смерть пришла, сначала запиши сторис.

Лена не отвечала.

Ветров набрал школу.

Линия была занята.

Он посмотрел на туман.

Тот полз по полу, медленно, почти лениво. Касался ботинок людей. Расходилса вокруг ящиков. Поднимался тонкими завитками.

В груди у Ветрова стало холодно.

Не от страха даже.

От понимания, что утро закончилось.

И больше не вернётся.

Он схватил куртку со спинки стула.

— Ты куда? — крикнул Серёга.

— За семьёй.

— Вова, там же сообщение — сидеть внутри!

Ветров обернулся.

— Серёг, когда государство говорит «сидите внутри», это значит, что оно само не знает, что снаружи.

Он побежал к машине.

Туман уже накрывал город.

И где-то далеко, со стороны моря, завывло что-то большое.

Не сирена.

Живое.

Глава 2. Туман

Ветров не любил паникёров.

Паникёр, как он считал, — это человек, который орёт «мы все умрём» раньше, чем успевает понять, где выход. Обычно такие погибали последними, потому что в процессе истерики успевали затоптать троих, украсть чужую куртку и первым залезть в автобус.

Но сейчас, выбегая со склада в серую муть, Владимир поймал себя на неприятной мысли: паника — штука не такая уж глупая. Иногда организм просто быстрее головы понимает, что дело пахнет не штрафом, не проверкой, не очередным курсом доллара, который взлетел, как ракета.

Дело пахло смертью.

Туман был плотный, мокрый, будто город накрыли старым одеялом, вытасненным из подвала. Он висел между контейнерами, просачивался под колёса машин, лип к коже. Ветров натянул ворот куртки на рот и нос. Бесполезно, конечно. Куртка защищала от дождя, ветра и случайного плевок судьбы, но против неизвестной биологической дряни го-

дилась, примерно, как молитва против налоговой.

На парковке уже творился дурдом.

Рабочие бежали к машинам, кто-то заводил погрузчик, кто-то пытался закрыть ворота склада, хотя серый туман давно был внутри и, если бы умел смеяться, наверняка бы уже ржал.

— Вова! — заорал Серёга из ворот. — Возьми хотя бы маску!

Он махал упаковкой респираторов — обычных, строительных, от пыли.

Ветров рванул назад, выхватил одну, вторую, третью.

— Себе оставь!

— Да я и так красивый, — Серёга натянул маску на лицо. — Если помру, скажи моей бывшей, что я страдал сексуально.

— Сам скажешь. Когда в аду в очереди рядом будете стоять.

— Там, говорят, тепло!

Ветров уже бежал к машине.

Тойота завелась со второго раза, будто тоже решила сначала обсудить, стоит ли участвовать в конце света. Он вдавил педаль, вырулил с парковки и почти сразу упёрся в хвост пробки.

Дорога стояла.

Не просто «владивостокская пробка», где все друг друга ненавидят, но хотя бы медленно ползут. Нет. Это была мёртвая пробка. Машины застыли в три ряда там, где помещалось два с половиной. Кто-то уже ехал по встречке, кто-то по тротуару, кто-то пытался развернуться через бордюр и сел брюхом на бетон, как выброшенный кит.

Сирены выли со всех сторон.

Телефон снова завибрировал.

****ЭКСТРЕННОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ. СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ. НЕ ПОКИДАЙТЕ ЗДАНИЙ. ВОЕННЫЕ И СПАСАТЕЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ КОНТРОЛИРУЮТ СИТУАЦИЮ.****

Ветров посмотрел на экран и коротко рассмеялся.

— Контролируют, ага.

Рядом на дороге мужик в костюме вылез из Лексуса и орал в телефон:

— Да мне плевать на ваше совещание! У меня ребёнок в садике! Нет, ты меня слушай, Ира, если твоя мать опять скажет, что я драматизирую...

Фраза утонула в гудках.

Слева маршрутка, забитая людьми, попыталась протиснуться между грузовиком и легковушкой. Не протиснулась. Водитель высунулся из окна и выдал такую конструкцию из мата, что, будь рядом филолог, он бы расплакался от гордости за родной могучий русский язык.

Ветров держал руль и считал.

До школы — около четырёх километров. Машиной сейчас — не реально. Пешком — минут сорок, если быстро. Бегом — меньше. Но туман. И неизвестно что ещё.

Лена.

Он снова набрал жену.

Гудки.

Потом щелчок.

— Вова?

Голос был хриплый, с помехами, но живой.

Ветров почувствовал, как что-то внутри отпустило — не полностью, на хотя бы на сантиметр.

— Лена! Где ты?

— В клинике. Нас закрыли. Главврач сказал никого не выпускать. Тут пациенты, персонал... все орут. Что происходит?

— Не знаю. Туман какой-то. Птицыдохнут. Сообщения приходят.

— У нас женщина с улицы забежала. Говорит, возле остановки собака на людей бросилась. Не обычная. Вова, она ска-

зала... она сказала, что у собаки лицо...

Связь хрипнула.

— Какое лицо?

— Человеческое, — почти прошептала Лена. — Я не знаю. Может, она в шоке. Может, врет. Господи, что за хрень?

Ветров смотрел на неподвижные машины.

— Слушай меня. Сиди внутри. Двери закройте. Окна тоже. Никуда не выходи.

— Артём в школе.

— Я еду за ним.

— Вова...

— Я заберу его, потом тебя.

— Не геройствуй.

Он хотел ответить что-то бодрое. Типа: «Я быстро» или

«всё будет нормально». Но слова застряли. Потому что «нормально» уже умерло где-то между чайкой с лапой и государственным сообщением про туман.

— Я постараюсь не быть идиотом, — сказал он.

— Это максимум, на который я рассчитываю в браке с тобой.

Он усмехнулся.

На секунду стало легче. Как будто они снова на кухне, Артём ковыряет омлет, сосед сверлит потолок, мир притворяется нормальным.

Потом где-то впереди закричали.

Не один человек. Много.

Ветров повернул голову.

В тумане, метрах в ста, люди выскакивали из машин и бежали назад. Кто-то упал. Кто-то его перепрыгнул. Один мужчина тащил за руку девочку в розовой куртке, девочка плакала беззвучно — звук тонул в общем реве.

— Вова? — Лена услышала, как он замолчал. — Что там?

Из серой стены впереди вылетел автобус.

Вернее, не вылетел — выкатился боком, с разбитым лобовым стеклом, скрежеща по асфальту. Он протаранил две машины, остановился, накренившись. Двери раскрылись. Изнутри посыпались люди.

За ними что-то ударило в корпус автобуса изнутри.

Металл выгнулся наружу.

— Вова!

— Я перезвоню.

— Вова, не смей—

Он сбросил.

Слева на тротуаре стоял строительный магазин. Маленький, с вывеской «Крепёж. Инструмент. Всё для ремонта», а под ней маркером кто-то дописал: «Кроме денег». Дверь была открыта. Внутри метался продавец.

Ветров резко вывернул руль, заехал передними колёсами на бордюр, заглушил машину. Схватил респираторы, телефон, ключи. Подумал секунду — открыл бардачок и достал складной нож. Нож был нормальный, тяжёлый, рабочий, подаренный Серёгой на день рождения со словами: «Если начальник достанет — режь колбасу демонстративно».

Ветров выскочил из машины.

Крики становились ближе.

Он забежал в магазин.

— Закрывай за собой дверь! — рывкнул продавец, худой парень лет двадцати пяти с лицом человека, которому сегодня обещали обычную смену, а выдали премьеру апокалипсиса.

Ветров захлопнул дверь, повернул замок.

— Есть монтировки?

— Что?

— Монтировки, ломы, топоры. Что-нибудь, чем можно объяснить неизвестной твари, что она не права.

Парень моргнул.

— Там... третий ряд.

Ветров прошёл между стеллажами. Руки действовали сами. Он взял маленький пожарный топорик, тяжёлую монтировку, рулон скотча, рабочие перчатки. Увидел строительные очки — взял тоже. Респиратор натянул на лицо. Не броня, но лучше, чем ловить споры носом.

— Ты платить будешь? — спросил продавец автоматически.

Ветров посмотрел на него.

Парень сглотнул.

— Ладно. Запишу на конец света.

— Запиши на государство. Они контролируют ситуацию.

Снаружи кто-то врезался в дверь.

Оба замерли.

За стеклом, в сером тумане, прижимался человек. Мужчина лет сорока, в офисной рубашке, лицо в крови. Он стучал ладонью.

— Откройте! Откройте, суки!

Продавец шагнул к двери.

— Подожди, — сказал Ветров.

— Он же человек!

— Не уверен.

Мужчина за стеклом повернул голову, будто услышал что-то позади. Его лицо изменилось — не физически, а выражением. Он увидел свою смерть.

И тогда туман за его спиной разорвался.

На него бросилась собака.

Только это была не собака.

Размером с овчарку, но тело перекошенное, вытянутое, словно его собирали в темноте из разных животных и очень

спешили. Передние лапы были слишком длинные, когти скребли по асфальту. На шее торчали участки голой серой кожи. Морда распалась посередине, обнажая двойной ряд зубов.

А сверху, над собачьими глазами, проступало что-то вроде человеческого лба.

Мужчина закричал.

Тварь вцепилась ему в плечо и рванула назад. Кровь брызнула на стекло.

Продавец попятился.

— Мама...

— Тише, — сказал Ветров.

Тварь мотала человека по тротуару, как тряпку. Потом вдруг замерла и подняла морду.

Посмотрела прямо на магазин.

На Ветрова.

Не просто увидела. Оценила.

Это было хуже зубов. В этом взгляде не было голода тупой зверюги. Там сидело что-то другое. Мокрое, серое, чужое — и быстро учившееся.

Ветров крепче сжал монтировку.

Тварь прыгнула.

Стекло выдержало первый удар, пошло трещинами. Продавец заорал и метнулся за прилавок.

Второй удар.

Трещины расползлись паутиной.

— Назад! — крикнул Ветров.

Стекло взорвалось внутрь.

Тварь ввалилась в магазин вместе с осколками, поскользнулась на кафеле, ударилась боком о стеллаж. Полки посыпались. Коробки с саморезами рассыпались по полу маленьким металлическим дождём.

Ветров ударил первым.

Не красиво. Не как в кино. Он просто всадил монтировку сверху туда, где у нормальной собаки была бы голова. У этой — что-то похожее.

Хруст.

Тварь взвизгнула, дёрнулась, но не упала. Повернулась к нему с бешеной скоростью. Ветров едва успел отскочить. Зубы щёлкнули в сантиметре от бедра.

Он пнул её в грудь.

Будто ударил мешок с мокрым цементом.

Тварь врезалась в стеллаж, тут же бросилась снова. Ветров поднял монтировку поперёк, принял её пасть на металл. Зубы скрежетнули. Слюна, густая, серая, капнула ему на рукав и зашипела.

— Да ну нахрен, — выдохнул он.

Продавец из-за прилавка кинул что-то. Молоток попал твари в бок. Она даже не заметила.

Тварь рванула монтировку вниз. Ветров потерял равновесие, упал на одно колено. Когти полоснули по полу, оставив борозды. Он отпустил монтировку, выхватил топорик и ударил сбоку.

Лезвие вошло в шею.

На этот раз глубоко.

Тварь завывала. Не по-собачьи. В этом вое были сразу несколько голосов — лай, визг, человеческий хрип и что-то низкое, как гудение старого трансформатора.

Ветров ударил снова.

И снова.

Топор застрял.

Тварь дёрнулась, толкнула его корпусом. Он упал на спину. Пасть раскрылась над лицом. Изнутри пахло тухлой рыбой, кровью и морской солью.

И вдруг сбоку грохнул огнетушитель.

Продавец, бледный как гипс, бил тварь по голове красным

баллоном. Один удар. Второй. Третий.

— Сдохни! Сдохни! Я сегодня на полдня отпрашивался!

На четвёртом ударе череп твари треснул. Ветров подтянул колено, упёрся ботинком ей в брюхо и рывком толкнул с себя. Потом выдернул топор и врубил лезвие прямо в расколотую голову.

Тварь забилась.

Когти скребли кафель.

Потом всё кончилось.

Только серые волокна ещё шевелились в ране, как корни, которым забыли сказать, что дерево умерло.

Ветров лежал на полу и тяжело дышал. Сердце било в рёбра так, будто хотело эвакуироваться отдельно.

Продавец сполз по прилавку.

— Это была собака?

Ветров сел.

— Была.

— А сейчас?

— Сейчас — повод закрыть магазин.

Снаружи снова закричали.

Ветров подошёл к разбитой витрине, осторожно выглянул.

Улица изменилась за пять минут.

Машины стояли брошенные, двери открыты. По дороге бежали люди. Туман стал гуще. В нём мелькали силуэты — низкие, быстрые, не всегда на четырёх лапах. Где-то горела машина. Из автобуса, того самого, всё ещё вылезали люди, но уже не все выглядели людьми. Один мужчина полз по асфальту, волоча ноги, а за ним тянулся серый след, словно тело изнутри разваливалось.

Ветров достал телефон.

Сеть была.

Еле-еле.

Он набрал Лену.

Нет ответа.

Набрал школу.

Занято.

Он включил карту. Пробки алели так, будто город истекал кровью.

До школы — четыре километра.

Он посмотрел на машину. До неё метров двадцать. Дальше дорога забита. Но машина — металл, двери, возможность прорваться.

Или ловушка.

Продавец тихо спросил:

— Ты куда?

— В школу.

— Ты псих?

— У меня там сын.

Парень замолчал.

Ветров обмотал рукоять топора скотчем, чтобы не скользила. Монтировку поднял, проверил вес. Нож убрал в карман. Надел строительные очки.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Дима.

— Дима, закрываешься в подсобке. Чем-нибудь заложить дверь. Не открывай никому, кто не говорит нормально.

— А если говорит нормально?

Ветров посмотрел на дохлую тварь.

— Тогда сначала попроси решить пример. Простые числа эта дрянь вряд ли уважает.

Дима нервно хохотнул.

Ветров шагнул к выходу.

— Мужик, — сказал Дима.

— Что?

Парень протянул ему второй респиратор и пачку строительных хомутов.

— Возьми. И... если увидишь там кого из людей... ну...

Он не договорил.

Ветров кивнул.

— Закрывайся.

Он вышел в туман.

Сразу стало холоднее.

И тише.

Странно: вокруг орали люди, выли сирены, гудели сигнализации, где-то хлопали выстрелы — одиночные, нервные.

Но туман глушил всё, делал звуки ватными, далёкими. Мир стал похож на плохо настроенный телевизор, где картинка ещё есть, но смысл уже пропал.

Ветров добежал до машины, сел, захлопнул дверь. Руки дрожали. Он посмотрел на них с удивлением, будто это были чужие руки.

Потом ударил себя ладонью по щеке.

Раз.

Второй.

— Соберись, — сказал он вслух. — Соберись, Вова. Потом будешь истерить. По расписанию. В четверг, после обеда.

Он завёл двигатель.

Впереди путь был перекрыт автобусом и разбитыми машинами.

Слева — тротуар, узкий, но проходимый. Дальше дворы. Через них можно срезать к школе.

Он включил передачу и нажал газ.

Тойота прыгнула на бордюр, заскрежетала днищем, протиснулась между деревом и киоском с кофе. Киоск был открыт. На стойке стоял стаканчик с надписью «Раф солёная карамель». Рядом на полу лежала бариста, лицом вниз. Над ней шевелился серый туман.

Ветров проехал мимо.

Город рушился не как в кино.

Не с огромным взрывом, не с торжественной музыкой, не с небоскрёбами, падающими в замедленной съёмке.

Он рушился мелко и грязно.

Брошенный детский самокат у остановки.

Рассыпанная картошка из порванного пакета.

Девушка, лет шестнадцати, стоящая посреди дороги с телефоном в руке и кричащая в истерике: «Мама, возьми трубку, мама, возьми трубку».

Полицейская машина с открытыми дверями и пустая

внутри.

Реклама стоматологии: «Улыбнись жизни!», а под ней кровавый след на асфальте.

Ветров ехал через дворы, лавируя между машинами и мусорными баками. Дважды ему приходилось сдавать назад. Один раз из подъезда выскочил мужчина в халате и бросился к машине.

— Возьми меня! Брат, возьми!

Ветров ударил по тормозам.

Мужчина почти добежал.

И тогда с крыши припаркованной «Газели» на него упало нечто длинное.

Не собака. Не человек. Что-то промежуточное: голое, серое, с руками слишком тонкими и пальцами, сросшимися перепонками. Оно обхватило мужчину и рвануло зубами в шею.

Крик оборвался сразу.

Ветров вдавил газ.

Тойота ударила тварь бампером, отбросила к стене. Колёса подпрыгнули на теле мужчины. Машину занесло. Он выравнивал, не оглядываясь.

— Прости, — сказал он.

Кому? Мужчине, себе, машине — непонятно.

До школы оставалось меньше километра.

Телефон зазвонил.

Ветров схватил его.

Лена.

— Вова!

— Я почти у школы!

— У нас в клинике... они ломаются. Не люди. Или люди. Я не знаю. Мы в процедурной. Нас пятеро. Главврач держит дверь шкафом. Вова, там женщина... та, что забежала... её укусили. Ей плохо. У неё кожа...

В трубке раздался грохот.

Лена вскрикнула.

— Лена!

— Езжай за Артёмом! — закричала она. — Сначала Артём! Слышишь?!

— Я приеду за тобой!

— Сначала сын!

Связь оборвалась.

Ветров сжал телефон так, что хрустнул корпус.

Впереди показалась школа.

Трёхэтажное здание за металлическим забором. Обычно у ворот толпились родители, дети, учителя, охранник с лицом вечного понедельника.

Сейчас ворота были закрыты.

На площадке перед школой стояли две машины полиции и скорая. Скорая — на боку. У полицейской машины мигал проблесковый маячок, бессмысленно, просто по привычке.

У ворот столпились люди.

Родители.

Они кричали, били по забору, требовали открыть. Кто-то пытался перелезть. За забором, во дворе школы, стояли дети. Много детей. Их загоняли внутрь учителя.

И среди них Ветров увидел синюю куртку.

Рюкзак с динозавром.

Артём.

Он стоял у входа, обернувшись к воротам.

Живой.

Ветров ударил по клаксону и свернул прямо к забору.

В этот момент из тумана за спиной родителей вышли первые твари.

Тихо.

Почти незаметно.

Как будто город был не их добычей, а новым домом, куда они просто опоздали на заселение.

Глава 3. Школа

У ворот школы началась давка.

До этого люди ещё пытались быть людьми: кричали, спорили, требовали, звонили кому-то, снимали на телефоны, грозили прокуратурой, администрацией, губернатором, Богом и классной руководительницей. Последняя, кстати, в нормальной жизни была страшнее всех перечисленных.

Но когда из тумана вышли твари, вся цивилизация слетела с них, как дешёвая краска с подъездной двери.

Один мужчина в пуховике первым увидел силуэты и заорал:

— Назад! Назад!

Но назад было некуда. Там стояли машины, забор, другие люди. Женщина с короткой стрижкой ударила кого-то сумкой по лицу, пытаясь пробраться к воротам. Молодой отец в деловом пальто полез на металлические прутья, сорвался, упал на пожилую бабушку. Кто-то закричал матом. Кто-то начал молиться.

Твари двигались странно.

Не бросались сразу. Не рычали, не рвались в атаку, как бешеные псы. Они шли рывками, короткими перебежками, замирали, наклоняли головы. Словно изучали толпу. Словно выбирали.

Их было пять.

Нет, шесть.

Одна ползла по капоту брошенной машины, прижимаясь животом к металлу. Длинная, гибкая, с телом человека и передними лапами, похожими на конечности краба. На спине у неё торчали обломки одежды — школьная форма? Нет. Ветров заставил себя не думать об этом.

Другая была крупнее. Когда-то, возможно, дворняга или овчарка. Теперь — ком серой мышцы, шерсти и костяных пластин на морде. Челюсть у неё открывалась вбок, как сложенный складной нож.

Третья стояла на двух ногах.

Вот эта была хуже всех.

Потому что в ней ещё угадывался человек.

Женщина. Ветров понял это по остаткам пальто, по сапогам, по пряди каштановых волос, прилипшей к разорванной щеке. Правая рука у неё удлинилась почти до колена, кисть распалась на три толстых когтистых пальца. Левая будто выросла в грудь. Лицо перекошилось, но один глаз остался прежним — карим, испуганным, живым.

Она смотрела на толпу у ворот и тихо скулила.

— Мамочки, — прошептал кто-то рядом с машиной Ветрова.

Владимир вылетел из тойоты, не заглушив двигатель. В одной руке монтировка, в другой топор. Респиратор давил на лицо, очки запотели по краям. Он чувствовал себя идиотом с набором дачного маньяка, только вот реальность внезапно стала ещё тупее.

— Открывайте ворота! — заорал он.

За забором металась учительница — молодая, в сером пальто, с белым лицом. Рядом с ней охранник школы пытался справиться с замком. Руки у него тряслись так, будто у

него был Паркинсон на последней стадии.

— Нельзя! — крикнула учительница. — Нам сказали никого не выпускать!

Ветров на секунду застыл.

Потом медленно повернул голову к тварям, снова к учительнице.

— Кто сказал?

— Департамент! Директор! Полиция!

— Полиция вон лежит, — Ветров ткнул монтировкой в сторону перевёрнутой скорой и пустой патрульной машины. — Департамент пусть сам сюда придёт и объяснит вот этой хрени про санитарные нормы!

Родители снова завопили.

— Откройте!

— Там мой ребёнок!

— Сволочи!

— Да бейте замок!

Одна из тварей — та, что была собакой, — сорвалась первой.

Она прыгнула на мужчину в пуховике. Тот успел выставить перед собой руки. Пасть сомкнулась на предплечье, хрустнула кость. Мужик заорал так, что у Ветрова внутри всё сжалось.

И толпа лопнула.

Люди бросились кто куда. Кто-то пытался залезть на забор. Кто-то полез под машины. Женщина в красной куртке упала, её тут же затоптали. Ребёнок лет пяти, непонятно откуда взявшийся, стоял посреди тротуара и орал:

— Мама! Мама!

Ветров побежал к нему.

Не потому что успел подумать. Просто тело сделало.

Он схватил мальчишку за капюшон, дёрнул к себе. В тот же миг над тем местом, где была детская голова, свистну-

ли когти. Человекоподобная женщина промахнулась, ударила по воздуху, потеряла равновесие.

Ветров толкнул ребёнка к ближайшей машине.

— Под днище! Быстро!

Мальчик не двигался.

Ветров рывкнул так, как не рывкал даже в армии:

— ЛЕЗЬ, Я СКАЗАЛ!

Мальчик нырнул под машину, как мышь.

Женщина-тварь повернулась к Ветрову.

На её губах пузырилась серая слюна. Карий глаз моргнул. Из горла вырвался хрип:

— По...мо...

Ветров замер.

Вот это было нечестно.

Зубы, когти, кровь — ладно. Мир сошёл с ума, понятно. Но когда эта дрянь просила помощи человеческим голосом, внутри у него что-то сломалось. Не окончательно — пока только трескалось. Но очень громко.

Тварь сделала шаг.

— Помо... ги...

Владимир отступил.

— Не подходи.

Она дёрнулась вперёд.

Он ударил монтировкой по колену.

У нормального человека колено бы сломалось. У неё тоже сломалось — только не так. Нога выгнулась назад, хрустнула, но тварь не упала. Наоборот, словно сустав тут же нашёл новое положение, удобнее старого.

— Вот и сходил за ребёнком, — прошипел Ветров. — Поздравляю, Вова, день удался.

Тварь прыгнула.

Он встретил её топором.

Лезвие вошло в плечо, застряло в кости. Удар сбил её в сторону, но когти полоснули Ветрова по куртке. Ткань разошлась. На животе под футболкой обожгло — неглубоко, но больно.

Он выдернул топор, ударил снова — уже по шее. Не думал, кто она была. Не думал, что у неё могли быть дети за этим же забором. Не думал, что ещё утром она, возможно, варила кому-то кашу и ругалась на пробки.

Если начнёшь думать — умрёшь.

Топор вошёл глубже.

Тварь рухнула на колени.

Карий глаз смотрел на него снизу.

— Спаси...

Ветров зажмурился на долю секунды и ударил третий раз.

Голова почти отделилась.

Тело ещё дёргалось, пальцы скребли асфальт. Потом за-
тихло.

Владимир стоял над ним, тяжело дыша. Внутри всё выло.

— Прости, — сказал он.

И тут же услышал за спиной:

— Папа!

Артём.

Ветров обернулся.

Сын стоял за забором, в толпе детей у входа. Лицо белое,
глаза огромные. Он видел всё.

Вот этого Ветров боялся больше, чем тварей.

Не смерти. Не боли.

А того, что его сын увидит, как отец рубит женщину то-
пором посреди школьного двора.

Пусть даже женщина уже не женщина.

Пусть даже конец света.

Детству плевать на уточнения.

— Артём! — крикнул Ветров. — Внутрь! Быстро!

— Папа!

— Я сказал, внутрь!

Но дети не слушались. Учителя тоже уже не управляли ситуацией. Во дворе школы началась своя паника. Кто-то из родителей перелез через забор и теперь пытался тянуть ребёнка наружу. Охранник наконец открыл маленькую калитку — и это было одновременно спасением и катастрофой.

Толпа снаружи рванула внутрь.

Дети изнутри — наружу.

Две волны людей столкнулись в узком проёме. Начались крики, падения, ругань. Учительница визжала:

— Не толкайтесь! Дети! Дети!

Звучало это так, будто она пыталась попросить пожар не гореть.

Ветров бросился к калитке.

Собачья тварь тем временем вгрызлась в мужчину в пуховике и тащила его по асфальту. Вторая, крабовая, запрыгнула на крышу полицейской машины и оттуда — прямо в толпу.

Раздался мокрый удар.

Крик женщины оборвался.

Один из полицейских, которого Ветров сначала принял за мёртвого, вдруг поднялся возле патрульной машины. Молодой парень, лицо в крови, форма разорвана на плече. Он держал пистолет обеими руками. Руки тряслись, но ствол был направлен на тварь.

— Стоять! — крикнул он.

Крабовая тварь повернула к нему голову.

Полицейский выстрелил.

Раз.

Два.

Три.

Пули попали. Тварь дёрнулась, соскочила с тела женщины, но не упала. Тогда полицейский шагнул ближе и выстрелил ей в голову. Череп разлетелся серой кашей.

— Стоять, я сказал! — повторил он уже труп.

— Нормально, начальник, — крикнул Ветров, добегаая до ворот. — Только протокол ей не забудь выписать!

Полицейский посмотрел на него мутным взглядом.

— Они... они из людей...

— Потом обсудим биографию. Помоги открыть ворота!

— Приказ был держать периметр.

— Периметр уже держит нас за яйца!

Полицейский моргнул, потом будто очнулся. Подбежал к большим воротам, начал возиться с цепью.

Ветров протолкнулся к калитке.

— Артём! Ко мне!

Сын пытался пробраться через толпу. Его толкнули. Он упал на одно колено. Ветров увидел, как возле школьного крыльца завозилось что-то серое.

Из-под перевёрнутой лавки выползал мужчина.

Нет. Уже не мужчина.

На нём был костюм охранника школы.

Тот самый, который утром стоял у ворот.

Теперь лицо у него расползлось, челюсть отвисла почти до груди, изо рта тянулись серые нити. Он полз на руках, а ноги волочились сзади бесполезным мясом. Но полз быстро. Слишком быстро.

К Артёму.

Ветров не успевал.

— Артём! В сторону!

Сын обернулся.

Охранник прыгнул с земли, словно пружина.

И тут между ним и Артёмом встала учительница в сером пальто.

Та самая, что не хотела открывать ворота.

Она ударила тварь школьным огнетушителем.

Удар вышел слабым, но неожиданным. Охранник зава-
лился набок. Учительница схватила Артёма за плечо и толк-
нула к воротам.

— Беги!

Охранник ухватил её за ногу.

Она упала.

Ветров услышал, как хрустнула её лодыжка.

— Папа! — Артём рванулся к ней.

— Ко мне! — заорал Ветров.

Он сам не узнал свой голос.

Сын побежал.

Владимир протянул руку через калитку, схватил его за куртку, втащил к себе так резко, что Артём ударился грудью о забор.

— Больно!

— Живой — уже хорошо!

Он прижал сына к себе одной рукой. На секунду. Только на секунду. Почувствовал запах его волос, школьной столовой, стирального порошка и детского пота. Запах мира, который ещё не успели сожрать.

Потом подтолкнул к машине.

— В машину! Быстро! Двери закрой! Не открывать никому, кроме меня!

— А учительница!

Ветров посмотрел.

Женщина в сером пальто пыталась отползти. Охранник тянулся к ней, оставляя за собой влажный след. Другие дети бежали в здание, кто-то плакал, кто-то просто стоял, выключенный страхом.

Владимир выматерился.

— В машину, Артём!

— Папа!

— В МАШИНУ!

Артём побежал.

Ветров рванул обратно во двор.

Полицейский наконец сорвал цепь с ворот. Большая створка распахнулась, и толпа хлынула внутрь и наружу одновременно. Это уже было не спасение, а мясорубка.

Ветров подбежал к учительнице.

— Руку!

Она посмотрела на него пустыми глазами.

— Дети...

— Да все дети, мать их, сейчас будут сиротами! Руку!

Она протянула руку.

Охранник прыгнул.

Ветров встретил его монтировкой в лицо. Удар пришёлся по раскрытой пасти. Зубы брызнули в стороны. Тварь упала, но тут же снова зашевелилась.

Ветров наступил ей на шею и рубанул топором.

Один раз.

Второй.

Третий.

На третьем тело перестало дёргаться.

Учительницу вырвало прямо на асфальт.

— Нормальная реакция, — сказал Ветров, подхватывая её под плечи. — В школьной столовой и по хуже бывает.

— У меня нога...

— Вижу.

— Я не могу...

— Можете. Сейчас вообще все много нового о себе узнают.

Он потащил её к воротам.

Она была легче, чем казалась, но всё равно каждый метр давался тяжело. В боку горело от царапины. Респиратор сбился, дышать было трудно. Туман плотнел, лип к очкам.

У ворот полицейский стрелял по собачьей твари. Пули щёлкали, люди кричали. Одна пуля ударила в металлический забор рядом с головой Ветрова.

— Эй! — заорал он. — Ты куда, снайпер?!

— Извини! — крикнул полицейский.

— Извинение принято, если второй раз не попадёшь!

Собачья тварь рухнула под колёсами какой-то машины, водитель которой, видимо, решил, что правила дорожного движения закончились вместе с пищевой цепочкой.

Ветров дотащил учительницу до своей тойоты. Артём сидел внутри, прижавшись к стеклу. Когда увидел отца — открыл дверь.

— Я сказал не открывать!

— Это ты!

— А если бы я уже стал хрен знает кем?

Артём посмотрел на него, на топор, на кровь.

— Ты и так выглядишь не очень.

— Шутишь. Значит, в порядке.

Ветров помог учительнице забраться на заднее сиденье. Она застонала, схватилась за лодыжку.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Ирина Сергеевна.

— Отлично, Ирина Сергеевна. Сейчас будет экскурсия по Владивостоку без согласования маршрута. Пристегнитесь, если найдёте чем.

— Я должна остаться с детьми...

Ветров захлопнул заднюю дверь, посмотрел на школьный двор.

Дети и учителя уже забаррикадировали главный вход изнутри. Часть родителей рвалась туда. Часть бежала к машинам. Полицейский отходил к патрульной машине, перезаряжая пистолет. Его лицо было серым, почти как туман.

Из-за здания школы донёсся новый звук.

Низкий.

Протяжный.

Будто где-то глубоко в трубах огромного корабля завывала сирена.

Все, кто был во дворе, на секунду замерли.

Туман за школой пошевелился.

Ветров увидел, как над крышей спортзала поднялось нечто длинное и мокрое. Щупальце? Хвост? Конечность? Оно скользнуло по стене, оставляя тёмный след, и исчезло обратно в серой мгле.

Ирина Сергеевна прошептала:

— Что это?

Ветров сел за руль.

— Надеюсь, директор. Тогда родительское собрание отменяется.

Он вдавил газ.

Тойота рванула с места, проскочила между полицейской машиной и перевернутой скорой, задела зеркалом чей-то

внедорожник. Сзади кто-то закричал, ударил ладонями по багажнику:

— Возьмите нас!

Ветров сжал руль до боли.

Он не остановился.

Артём сидел рядом, пристёгнутый, с белым лицом.

— Пап...

— Что?

— Мы за мамой?

Ветров посмотрел на дорогу.

Туман впереди стал почти чёрным.

— Да, — сказал он. — Теперь за мамой.

И где-то за спиной школа взорвалась криком — таким большим и страшным, что даже сирены на секунду показались детскими игрушками.

Глава 4. Стоматология

До клиники Лены было два километра.

В нормальной жизни — семь минут на машине, если не считать светофоры, маршрутки, внезапных пешеходов, которые переходили дорогу с выражением «я бессмертен, а вы все статисты», и водителей, считающих поворотник буржуазным излишеством.

Сейчас эти два километра превратились в отдельную военную кампанию.

Тойота прыгала по бордюрам, скребла днищем, протискивалась между брошенными машинами. Ветров держал руль так, будто хотел сломать ему шею. Очки съехали на лоб, респиратор висел на одном ухе, в салоне пахло кровью, мокрой одеждой и страхом.

Артём сидел рядом, вцепившись в ремень безопасности. Не плакал. Это было хуже, чем если бы плакал. Смотрел вперёд, широко открытыми глазами, как будто мозг всё ещё пытался обработать увиденное и выдавал ошибку: «файл детства повреждён».

Сзади Ирина Сергеевна тихо стонала. Лодыжка распухла прямо на глазах. Ступня была вывернута под неправильным углом — таким, после которого человек обычно говорит: «Мне кажется, я уже ни куда не пойду», а окружающие вежливо делают вид, что есть варианты.

— Держитесь, — сказал Ветров, не оборачиваясь.

— Я держусь, — прошептала она. — У меня просто ощущение, что нога решила жить отдельно.

— В наше время это уже почти нормально.

Артём резко повернул голову к отцу.

— Пап, а та женщина...

— Какая?

Он понял, какая. Конечно понял.

Та, с карим глазом. Та, которая просила помощи.

— Она была больная, — сказал Ветров.

— Ты её убил?

Слова ударили сильнее, чем когти.

Владимир промолчал несколько секунд. Впереди через дорогу переваливался мусорный бак, гонимый ветром или чем-то ещё. На асфальте лежал мотоцикл, рядом — шлем, а из шлема торчали волосы.

— Да, — сказал он наконец. — Убил.

Артём отвернулся к окну.

— Она говорила.

— Знаю.

— Она просила помочь.

— Знаю.

— Значит, она была живая.

Ветров резко ударил по тормозам.

Не потому что хотел остановиться. Перед машиной из ту-

мана выкатился автобусный остановочный павильон — точнее, его металлический каркас, снесённый чем-то тяжёлым и протасканный по дороге. Тойота юзом прошла в метре от него.

Владимир снова нажал газ.

— Послушай меня, — сказал он глухо. — Сейчас будет много такого, чего ты не должен видеть. И много такого, что я не должен делать. Но если выбор между чужой тварью и тобой — я выберу тебя. Каждый раз. Даже если потом ты будешь меня ненавидеть.

Артём молчал.

— Я не хочу тебя ненавидеть, — сказал он наконец.

— Отлично. Запланируем это на попозже. Сейчас у нас расписание забито: мама, выжить, не сдохнуть, опять выжить.

Сзади Ирина Сергеевна вдруг тихо сказала:

— Он прав, Артём.

Мальчик повернулся.

— Вы же учительница. Вы должны говорить, что убивать нельзя.

— Я должна говорить много правильных вещей. Например, что домашнее задание развивает самостоятельность. Но сейчас я бы лично поставила пятёрку любому, кто принесёт мне гранатомёт.

Артём неожиданно фыркнул.

Очень тихо.

Но фыркнул.

Ветров выдохнул через нос.

Живой.

Пока ещё живой.

Город вокруг распадался слоями.

Сначала исчез порядок движения. Потом — смысл светофоров. Потом — представление о том, что улица принадлежит людям. Теперь город был ничей. Или уже не их.

У магазина электроники горела витрина. Изнутри валил чёрный дым. На огромном рекламном баннере улыбающийся парень держал смартфон с надписью: «Будущее в твоих руках». Под баннером мужчина в деловом костюме пытался отбиться от двух серых, низких тварей офисным стулом.

— Папа! — крикнул Артём.

Ветров увидел.

Но не остановился.

Он смотрел прямо вперёд, чувствуя, как внутри что-то отваливается.

Мужчина ещё махал стулом, когда тойота свернула за угол.

— Почему мы не помогли? — спросил Артём.

— Потому что тогда мы не помогли бы маме.

— Но он...

— Я знаю.

— Он же человек!

— Я знаю!

Ветров ударил ладонью по рулю.

Сын замолчал.

Владимир тут же пожалел. Но слова уже вышли, как пуля. Обратно не засунешь, даже если очень надо.

Он сбавил скорость.

— Прости.

Артём ничего не ответил.

Телефон снова зазвонил.

Лена.

Ветров ткнул на громкую связь.

— Лен!

В трубке слышалось тяжёлое дыхание, грохот, чьи-то голоса.

— Вова... где вы?

— Артёма забрал. Еду к тебе. Ты где?

— Процедура. Второй этаж. Мы забаррикадировали дверь шкафом и креслом. Но эта женщина... та, укушенная... её трясёт. У неё изо рта серое. Мы заперли её в рентген-кабинете, но она стучит. Господи, как стучит...

Где-то рядом мужской голос заорал:

— Не открывайте! Не открывайте ей, мать вашу!

Потом глухой удар.

Лена всхлипнула.

— Вова, тут пациент с ребёнком. Девочка маленькая, лет шесть. Она всё спрашивает, когда мама придёт. А мама... мама осталась в холле.

— Слушай меня. К окнам можете подойти?

— Нет. Туман лезет через щели. Мы всё заклеили. Главврач сказал, вентиляцию тоже надо закрыть.

— Сколько вас?

— Шестеро. Я, ассистентка, главврач, мужчина с девочкой, санитарка. И... та женщина в рентгене.

— Оружие есть?

Пауза.

— Вова, это стоматология. У нас самое страшное оружие — цены.

— Инструменты?

— Есть. Щипцы, скальпели, бор-машина.

— Бор-машину оставь для пыток после победы. Возьмите всё острое. И не подходите к укушенной.

— Она зовёт нас. Говорит нормальным голосом.

— Не верь.

— Она просит воды.

Ветров вспомнил карий глаз.

Руки на руле сжались.

— Лена. Не верь.

В трубке снова удар. Ближе.

Потом женский голос, тонкий, дрожащий:

— Откройте... пожалуйста... мне холодно...

Лена зашептала:

— Это она.

— Держитесь. Я через пять минут.

— Вова...

— Что?

— Если не успеешь...

— Не начинай.

— Если не успеешь, я—

— Лена, заткнись.

На секунду повисла тишина.

Потом жена нервно рассмеялась.

— Романтик из тебя, конечно, как из ржавой батареи парад.

— Зато надёжный. Жди.

Он сбросил.

До клиники оставалось три квартала.

На перекрёстке стоял БТР.

Ветров сначала подумал, что у него от стресса начались галлюцинации. Но нет — самый настоящий бронетранспортёр, тёмно-зелёный, с грязными колёсами и солдатом на башне. Рядом два военных грузовика, люди в форме, автоматчики, блокпост из бетонных плит и машин ДПС.

Наконец-то.

Наконец-то государство не в телевизоре, а на дороге.

Правда, выглядело оно так, будто его тоже только что вытащили из кровати и сказали: «Поздравляем, вы теперь последняя надежда человечества, вот автомат, туалет слева».

Один из солдат поднял руку.

— Стой! Стой, сказал!

Ветров затормозил.

Двое военных подбежали к машине, стволы вниз, но готовые подняться в любую секунду.

— Окна не открывать! — крикнул один через стекло. — Куда едете?

Ветров приоткрыл дверь на щель.

— За женой. Клиника на Светланской.

— Дальше нельзя. Район закрыт.

— Там люди.

— Весь город в людях.

— Там моя жена.

Солдат был молодой. Лет двадцать. Под каской — прыщи, испуганные глаза и попытка сделать голос взрослым.

— Приказ: гражданских эвакуировать к пунктам сбора. Прибрежная зона — карантин.

— Со мной сын. Раненая женщина. Мне нужно забрать жену.

— Вы не поняли. Проезд закрыт.

Ветров посмотрел за его спину.

У блокпоста толпились люди. Кричали. Кто-то пытался прорваться. Военные отталкивали их прикладами. Слева на дороге лежал человек в окровавленной куртке. Никто к нему не подходил. Над ним кружился туман, и туман этот будто дышал.

С башни БТРа ударила очередь.

Все пригнулись.

Пули ушли куда-то в серую мглу. Оттуда донёсся визг, потом мокрый шлепок.

Солдат у двери сглотнул.

— Разворачивайтесь.

— Нет.

— Мужик, не делай глупостей.

— Поздно. Я женился одиннадцать лет назад.

Солдат на секунду растерялся.

Ветров использовал эту секунду.

Он резко дал назад, вывернул руль, тойота ударила задним бампером в пластиковый дорожный конус, потом прыгнула на тротуар и понеслась вдоль домов, мимо блокпоста.

— Стой! — заорал солдат.

Кто-то поднял автомат.

— Не стрелять! — крикнул другой. — Там ребёнок!

Тойота проскочила мимо магазина, сбила рекламный штендер с надписью «Маникюр. Акция!» и вылетела в узкий двор.

— Пап, это были военные! — сказал Артём.

— Заметил.

— Они же сказали нельзя!

— У них жена не в стоматологии.

Ирина Сергеевна с заднего сиденья выдохнула:

— Вы понимаете, что только что нарушили приказ?

— Ирина Сергеевна, если мы выживем, поставите мне двойку по поведению.

Двор вывел их к переулку за клиникой.

Здание стоматологии было трёхэтажным, с бело-синей вывеской «Дентал Люкс». Ветров всегда ненавидел это название. «Люкс» — потому что кресла кожаные, кофе в холле бесплатный, а после счёта пациент начинал верить, что зубы были сделаны из золота.

Теперь вывеска мигала, половина букв погасла.

Получалось: «Дентал Лкс».

Словно даже реклама решила, что роскошь закончилась.

У главного входа лежали тела.

Трое.

Один охранник клиники. Одна женщина в светлом пальто. И ещё кто-то, распластанный у двери так, что понять пол было невозможно.

Стеклянные двери разбиты. Внутри холл — в крови. По полу тянулись следы, будто кого-то волокли к лестнице.

Ветров заглушил машину.

— Артём, слушай внимательно. Ты остаёшься здесь.

— Нет.

— Да.

— Я с тобой!

— Ты остаёшься.

— Там мама!

— Именно поэтому ты остаёшься!

Артём дернулся, хотел спорить, но Ветров схватил его за плечи и посмотрел прямо в глаза.

— Если я не выйду через десять минут — заводишь машину и едешь к военным. Понял?

— Я не умею водить.

— Первая передача, сцепление медленно, газ чуть-чуть.

— Папа...

— Понял?

Артём кивнул. Губы дрожали.

Ветров снял с себя один респиратор, надел на сына, затащил резинки.

— Двери заблокировать. Окна не открывать. Ирина Сергеевна, если кто-то полезет — орите.

— Чем я его остановлю?

— Педагогическим стажем.

Она слабо улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.